

Художник и время

ДЕБЮТИРОВАЛ он интересно. Прошло уже десять лет со дня той памятной премьеры, а сквозь дымчатые нечеткие, размытые воспоминаний вдруг с резкой рельефностью выплывает выжженная солнцем пядь земли среди огромной степи, пыльный, душливо-знойный полдень, а на фоне этого аскетичного пейзажа — два юных существа, трогательно наивных и нежных, еще ничего не ведающих о любви, но уже пронизанных предощущением ее высоких и чистых токов.

Сегодня многие сюжетные подробности фильма «Про Машу, про Витю и морскую пехоту» уже изрядно позабылись, но остался в памяти мальчик Витя — неисправимый правдолюбец и романтик, маленький рыцарь справедливости и добра; осталась девочка Маша — загадочная, словно судьба, и осталась в душе атмосфера фильма, немножко лукавая и печальная, располагающая к себе, как улыбка доброго собеседника.

Так вошел в кино тогда совсем молодой режиссер Михаил Пташук. За плечами у него была школа, оконченная в 15 лет, работа в родном колхозе на Брестчине, режиссерский факультет Шукшинского училища, спектакли на сценах Москвы и Казани. Потом — Высшие

ВОЙНА.

ПАМЯТЬ.

БОЛЬ.

Штрихи к портрету заслуженного деятеля искусств БССР, лауреата Государственной премии республики и премии Ленинского комсомола Михаила ПТАШУКА.

режиссерские курсы в мастерской Георгия Даниеля и первый фильм, снятый на Одесской киностудии, который остался у меня в памяти, словно печальная и нежная мелодия.

Впрочем, покорила он не только зрителей, но и членов жюри всесоюзных кинофестивалей, на которых лента собрала богатый урожай наград. Кажется, их было пять или шесть, а потом к ним прибавилась еще одна, полученная на международном смотре в Испании. О молодом режиссере заговорили...

А потом он поставил новую картину — почти на ту же тему, в той же манере и тональности, но она вызвала уже другие эмоции... Поистине, нельзя вступить в одну реку дважды, и «Лесные качели» в полной мере это подтвердили.

Куда пойдет режиссер дальше? Что предпримет? Сможет ли усвоить уроки из своего поражения или воспримет его, как несправедливый удар судьбы? Ответы на этот вопрос мог дать только очередной фильм. Вот тогда-то Михаил Пташук и сделал выбор: он решил снимать фильм о войне. Сегодня можно только догадываться, какой смелости и мужества, каких сомнений и трудных раздумий потребовал от него этот шаг. После знакомого, истоптанного пятачка «школьного» фильма вдруг оказался на поле боя... После неудачи на привычном материале вдруг ступить на неизвестную дорожку... После милых детских шалостей и эфемерных томлений духа вдруг столкнуться с кровью и смертью, героизмом и подлостью в их крайнем проявлении...

А между тем решение снимать фильм «Время выбрало нас» только на первый взгляд могло показаться неожиданным, оно было режиссером по-своему выношено и выстрадаано, по-своему пережито. Более того, рано или поздно он должен был прийти к этой теме...

Нам представляется естественным, само собой разумеющимся, когда о войне рассказывают люди, прошагавшие ее огненными дорогами, оставившие своих друзей в братских могилах на горьком пути от Бреста до Москвы и от Москвы до Берлина. Они рассказывают о том, что пережили в окопах Сталинграда и на карпатских отрогах, в болотах Полесья и на безымянных высотах, раскинувшихся среди чужой земли. Но было бы неверным думать, словно великая тема народного подвига может тревожить только участников и очевидцев. Нет, она властно притягивает и молодых художников. Шрамы, нанесенные войной, не успели зажить в памяти народной, и до сих пор еще плачут вдовы и матери, вспоминая не вернувшихся с войны мужей и сынов. И стали взрослыми дети, не увидевшие отцов. Так что у молодого поколения к войне — свой счет, своя взыскательная мера памяти.

Михаил Пташук принадлежит к тому поколению, которое война на исходе, на излете, но все же задела своим огненным дыханием, коснулась ощущением всенародной беды. Он родился в 1943 году, в землянке на окраине деревни, в которой мать пряталась от гитлеровцев. Тогда они чудом остались в живых... Конечно, обо всем этом Михаил знает. Конечно, только по рассказам матери, но ведь не зря говорят, что кроме памяти физической, еще существует память эмоциональная, вошедшая в гены...

— Когда погружаешься в материал, связанный с войной, — рассказывает режиссер, — не покидает ощущение, что ты все это слово видел сам, что ты все знаешь по собственному опыту, тем более, что нас, детей послевоенного времени, судьба не баловала. Эхо войны настигало нас то жестоким голодом, то взрывом снаряда на околице под ногой неосторожного парня, то запоздалой вестью о смерти отца... Поистине, нет в Белоруссии семьи, которая не пострадала во время ок-

купации, а сколько деревень, расстрелянных и сожженных целиком! Вот эта горькая память вынуждает к жизни все новые книги, спектакли, фильмы о войне, в том числе и свидетельства поколения, выросшего после Победы.

Приступая к постановке фильма «Время выбрало нас» — большого телесериала, вместившего множество судеб, — и режиссер, и вся съемочная группа отдавали себе отчет в том, какую ответственную задачу они на себя возлагали. Поэтому перед началом съемок пришлось подробно изучить множество книг по истории войны, поднять горы архивных документов, сводок, приказов, шифровок. Фильм с самого начала выростал на документальной основе, в его художественную ткань органично вошли реальные материалы военного времени.

У меня сохранилось интервью с режиссером, взятое на съемках в самом начале работы над фильмом. Вот небольшой фрагмент из рассказа Михаила:

— Военной теме так или иначе отдали дань все белорусские режиссеры, здесь у студии накоплен немалый опыт. Творчески усвоив его, нам необходимо сказать и свое слово, не повторяя найденного другими. Мы хотим сделать фильм о том, как зарождалось партизанское движение, в каких противоречиях, трудностях, исторически и психологически неизбежных, оно набирало силу, крепло. При этом всячески хотелось бы избежать довольно распространенного партизанского «боевика» с лихими погонями и хитроумными налетами, сосредоточив внимание на человеческой душе, испытанной на излом суровым временем.

В нашем сценарии есть такой эпизод: один из героев фильма, профессор-историк, должен ответить на вопрос, где же на этой войне находится то поле Куликово, на котором решится исход сражения. Он, конечно, еще не знает, что будет впереди и Сталинградская битва, и великое противостояние под Москвой, и Курская дуга, но главный вывод для себя наш герой уже сделал: Куликово поле каждый раз пролегал там, где человек нашел в себе силы повернуться лицом к наступающему врагу и принять бой. Всем ходом своей картины мы стремимся выявить мысль о том, что наша земля в годы войны превратилась в одно большое Куликово поле, на каждой пяди которого решалась судьба страны.

Перечитывая сегодня, годы спустя после премьеры, эти строки, отчетливо видишь, что из задуманного удалось, а что — нет, где поиск шел в нужном направлении, а где — уходил в сторону. Конечно же, фильм напоминает местами те самые «боевики», схожести с которыми режиссер так опасался. Есть в нем и традиционные сюжетные повороты, словно взятые напрокат. Но вместе с тем есть и смелая, во многом удавшаяся попытка эпического рассказа о том, как из отдельных, сперва крохотных очажков сопротивления врагу разгоралось пламя всенародной борьбы против фашизма.

Если в фильме «Время выбрало нас» режиссер стремился реставрировать прошлое, тщательно воссоздать на экране горький быт военного времени, то в последующих своих работах — экранизациях романов «Возьму твою боль» и «Черный замок Ольшанский» — задача была иная: осмыслить минувшее в его неразрывной связи с сегодняшними проблемами и заботами, поверить нашу быстротекущую жизнь событиями Великой Отечественной.

— Начиная работу над фильмом «Возьму твою боль», — рассказывает режиссер, — мы ставили перед собой «триединую» задачу, вытекающую из романа И. П. Шамкина. Первая заключается в утверждении мысли о том, что люди, которых коснулась война, никогда о ней не забудут. Более того, дети людей, которые пережили войну, будут нести в себе память родителей. Такое оно долгое, эхо войны...

Вторая задача картины — изображение той атмосферы современной жизни, в которой бывший полицай, вернувшийся после заключения в родные места, оказывается чужеродным телом. Предательство народ не прощает никогда. Наказанием за содеянные преступления для Шишковича стали не только годы тюремного заключения, а прежде всего то, что люди от него отвернулись навсегда.

И, наконец, третья задача картины выражена самим ее названием — «Возьму твою боль». Это ведь не только Таяс Ватрак принимает на себя душевную боль мужа, растревоженного встречей с бывшим полицаем. Нет, каждый, кто был свидетелем трагедии семьи Ватраков, разделяет боль Ивана. Сначала его, малолетку-сироту, подняли на ноги, защитили от новых душевных травм, а через тридцать пять лет смогли смягчить боль заново переживаемой утраты.

Прошлое и настоящее, военная осень 1942 года и мирные будни современного села — в таких временных координатах разворачивает действие картины режиссер. Вспоминая свое детство, выпавшее на войну, партизана-отца, мать, расстрелянную фашистами с младшей сестренкой на руках, главный герой фильма Иван Ватрак не только осмысливает свою родословную, но и задает себе вопрос: так ли жил все свои зрелые годы, как велит совесть, как велит память? Такой взгляд на тему сделал фильм эмоционально волнующим, современным по звучанию.

— Что же касается экранизации романа Владимира Короткевича «Черный замок Ольшанский», — рассказывает режиссер, — то мы заранее отказались от желания постранично «перелистать» книгу на экране, решив вычленив из нее наиболее актуальные идеи и сюжетные линии. Из фильма по сравнению с книгой ушли многие загадки, приключения, фабульное напряжение; основное внимание решено было сосредоточить на страстной, гуманистической мысли романа, восстающей против зла и насилия, в какие бы одежды оно ни ридилось — то ли в кровавые доспехи средневековых рыцарей, то ли в ненавистную форму чернорубашечников, то ли в тогу современных лживых миротворцев. Всякое зло должно быть наказано, осуждено историей, иначе в будущем оно даст зловещие ростки. Эта мысль писателя показала нам особенно актуальной сегодня, когда в мире так неспокойно, когда преступники разных мастей пытаются ревизовать итоги второй мировой войны.

«Возьму твою боль» и «Черный замок Ольшанский» составили в творческой биографии Михаила Пташука своеобразную диалогическую, отмеченную единством интонации, общим кругом размышлений о человеке и истории, о нравственном долге живых перед теми, кто не вернулся с полем войны. Сейчас режиссер готовится к постановке фильма «Знак беды» по одноименной повести В. Быкова. Уже создан режиссерский сценарий, прошли первые кинопробы. Впереди — съемки большого сложного фильма. Что в нем кажется режиссеру главным?

— В эти дни, — говорит Михаил Пташук, — мы готовимся отмечать сорокалетие победного мая 1945 года. Естественно, что в преддверии этой волнующей даты народ наш вновь и вновь возвращается к внутренним истокам и корням великой Победы. И дело тут не только в дани памяти погибших, не только в заслуженном, выстраданном всей страной празднике — сознание народа всегда обращается к прошлому за поддержкой на будущее.

Почему сейчас — о тяжелейших испытаниях 1941 года? Зачем о преодоленных трудностях и вовсе уже давних двадцатых и тридцатых годов? Сейчас, в середине восьмидесятых? Именно сейчас. Потому что эпоха нынче тревожная. Полосу мирного добрососедства вытеснила полоса напряженности. И внутренний пафос повести Быкова направлен как раз на это — оглянитесь, встревожьтесь, проверьте высоту мерной: готовы ли к испытаниям, не забываем ли, где наши корни? Характер Степановича, открытый и с удивительной пластической мощью воплощенный писателем, на наш взгляд, должен занять особое место в памяти народа, стать частью его духовного достояния.

Непоколебимая стойкость. Достоинство, пронесенное через все испытания. Душевная щедрость. Гордость человека труда... Этот образ нужен — как подделка, как духовная опора, как высокий идеал — зрителям разных поколений.

С такими мыслями я приступаю к экранизации повести — главной своей работе на сегодняшний день и, уверен, на многие годы вперед. Шамкин, Короткевич, Быков... Какая замечательная режиссерская работа! В этой приверженности режиссера вершинным образцам белорусской литературы ощущается и логика однажды избранного пути, и верность счастливо обретенной теме, и обещание новых открытий.

Леонид ПАВЛУЧИК.